

Введение

Стратегии гибридных войн (ГВ) и серых зон (СЗ) как театров гибридной войны разрабатываются и используются в США и НАТО все более активно. В подготовленных 3 марта 2021 г. администрацией президента Джо Байдена «Временных указаниях по стратегии национальной безопасности» отмечается, что Китай быстро стал более напористым. Утверждается, что «это единственный конкурент, потенциально способный объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить устойчивый вызов стабильному и открытому международному сообществу. Россия по-прежнему полна решимости усилить свое глобальное влияние и играть разрушительную роль на мировой арене»¹.

На фоне появления новых угроз и вызовов Вашингтон намерен принять беспрецедентные меры по обеспечению национальной безопасности, включая поддержку квалификации сил специальных операций, чтобы сосредоточиться на кризисном реагировании и приоритетном противодействии терроризму и нетрадиционной войне, а также «развивать возможности для лучшей конкуренции и сдерживания действий серой зоны».

Таким образом, понятие «серая зона» впервые использовано в официальном документе США, что позволяет предположить его широкое применение в дальнейшем при планировании внешнеполитической деятельности Вашингтона.

Наличие ядерного оружия (ЯО) существенно сужает горизонт стратегического планирования и вынуждает наших геополитических противников искать новые несиловые способы сокрушения соперника и навязывания ему своей воли.

В этом контексте несиловые глобальные действия между нациями определяются в официальных документах и исследованиях как конкурентные взаимодействия между государственными и негосударственными субъектами и внутри них, которые находятся между традиционной двойственностью войны и мира.

В официальных документах и работах исследовательских организаций рассматриваются гибридные сценарии военных действий, сочетающие смертоносность вооруженных конфликтов между государствами с фанатичным и неослабевающим рвением экстремистов, ведущих нетрадиционные боевые действия. Авторы придают феноменам ГВ и СЗ

¹ Interim National Security Strategic Guidance MARCH 03, 2021 • STATEMENTS AND RELEASES. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 05.03.2021).

как главных несущих конструкций своих стратегических планов едва ли не революционный смысл, определяющий важные направления современной революции в военном деле. При этом ГВ представляет собой новую форму межгосударственного противоборства.

Происходящая эволюция взглядов на соотношение военных и невоенных способов межгосударственного противоборства отмечается крупными российскими учеными и военными специалистами. В основе изменяющегося характера вооруженных конфликтов XXI в., отличающихся от предыдущих, по сути, лежит стремление превзойти вероятных противников по основным показателям, определяющим успех в современной войне: во внезапности нападения и упреждении противника; в стратегической мобильности; в искусстве ведения информационной и кибернетической войн; в использовании стратегий «жесткой и мягкой силы», во внедрении получивших глобальную доступность технологий с интеллектуальными программами, автоматизации, роботизации, применении искусственного интеллекта в военных целях.

Эти и некоторые другие тренды уже сегодня определяют стратегии новейшего перевооружения, которое, в конце концов, ведет к пересмотру классической идеи стратегического ядерного сдерживания, появлению новых видов сдерживания и в конечном итоге определит вектор новой революции в военном деле.

Для России как государства, против которого в течение многих лет ведется ГВ с использованием широкого спектра разнородных (гибридных) типов сдерживания и принуждения, наряду с совершенствованием Вооруженных сил настоятельно необходимо развивать многоуровневую систему асимметричных возможностей несилового противодействия агрессору, включая киберзащиту «чувствительных» объектов инфраструктуры, обеспечение стабильного развития экономики с опорой на собственные возможности, повышение устойчивости общества к информационно-психологическому воздействию в СМИ и социальных сетях и многое другое.

Глава 1

Серая зона как плацдарм гибридной агрессии

1.1. Особенности конфликтов XXI в.

Устойчивой характеристикой состояния системы мировой политики в период с конца XX в. остается растущая напряженность, нестабильность и неопределенность в целом ряде ее важнейших секторов. Истоки этой напряженности лежат, прежде всего, в политике США, оказавшихся после распада СССР единственной сверхдержавой, неоднократно действовавшей и ныне действующей силовыми методами в нарушение международного права, в обход Совета Безопасности ООН. Рост неопределенности подрывает основы стратегической стабильности.

Академик РАН А.А. Кокошин считает, что «стратегическую стабильность можно рассматривать как обеспечение политико-военных, оперативно-стратегических и военно-технических условий, минимизирующих опасность возникновения конфликтных и кризисных ситуаций, которые могли бы поставить вопрос о военных действиях с применением ядерного оружия»¹.

С целью удержать в своих руках управляемость процессами обеспечения стратегической стабильности в США разработана концепция нового вида межгосударственных вооруженных конфликтов — ГВ. Концепция предусматривает балансирование на грани масштабного вооруженного конфликта вплоть до ядерной войны за счет дозированного применения несиловых способов воздействия с целью искусственной хаотизации административно-политической, финансово-экономической и культурно-мировоззренческой сфер государства-противника. Параллельно разрабатывается концепция СЗ как театров, на которых разворачиваются операции ГВ.

Сегодня глобализация и информационно-коммуникационная революция, появление новых видов высокоточного оружия, разработка стратегий ГВ и технологий цветных революций сформировали тенденцию перманентности войн будущего, придали им сетевой характер. Развал Вашингтоном краеугольных основ стратегической стабильности, действие ряда других факторов провоцируют новую революцию — революцию хаоса. США и некоторые их союзники фактически взяли

¹ *Кокошин А.А.* Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 7–21. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.02>

курс на полное игнорирование всех международных норм и правил, используют в гегемонистских целях не только новые виды оружия, но в своем стремлении к мировой гегемонии пытаются использовать глобальную нестабильность для ослабления стратегических конкурентов, прежде всего Китая, России и Европейского союза (ЕС).

Американскую стратегию использования критичности в национальных интересах США откровенно обрисовал еще в 1998 г. один из разработчиков концепции управляемого хаоса Стивен Манн: «Я хотел бы высказать одно пожелание: мы должны быть открыты перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует нашим национальным интересам — например, при уничтожении иракской военной машины и саддамовского государства. Здесь наш национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор»¹.

Таким образом, нацеленность США на реализацию своих геополитических целей вопреки существующим международным нормам и правилам выступает в качестве своеобразного катализатора обострения критичности и развития глобальной нестабильности.

Разработанные в США и НАТО прогнозы развития международной обстановки на период предстоящих нескольких десятилетий объединяет вывод о наличии серьезных предпосылок для дальнейшего усиления глобальной нестабильности. Этому способствует следующий комплекс факторов:

- возрастание роли негосударственных субъектов при одновременном росте количества возможных политико-военных комбинаций, включающих государственных и негосударственных участников;
- диффузия мощи в многополярном мире на фоне распространения информационных и военных технологий;
- демографические изменения, включая ускоренную урбанизацию;
- усиление соперничества по доступу к глобальным ресурсам.

В США развернута работа по подготовке страны и вооруженных сил к конфликтам нового поколения, представляющим собой совокупность классических и асимметричных способов ведения вооруженной борьбы. В официальной американской военной доктрине асимметричными способами ведения войны считаются сетцентричные и сетевые технологии.

¹ *Mann S.R.* The Reaction to chaos. URL: <http://www.dodccrp.org/html4/bibliography/comch06.html> P. 7.

Выполненные американской аналитической корпорацией РЭНД прогнозы будущих вооруженных конфликтов и войн будущего сводятся к тому, что грядущие конфликты, вероятнее всего, будут связаны с борьбой с терроризмом, ведением гибридных вооруженных столкновений в СЗ, асимметричных войн и масштабных классических войн. Среди вероятных противников США — Россия и Китай, профессионализм военных этих стран будет неуклонно повышаться. В НАТО и ЕС воля и способность традиционных союзников США применять военную силу, особенно за рубежом, уменьшатся, а Европа окажется среди трех регионов, где возникновение войны весьма реально.

Считается, что военно-политической обстановке (ВПО) в каждом из регионов будет присуща высокая степень изменчивости и неопределенности. В результате вооруженные конфликты могут возникнуть из-за ошибочной оценки намерений сторон, неконтролируемой эскалации конфликта или кризиса, вызванного изменением климата, борьбой за ограниченные энергетические, водные и продовольственные ресурсы. Державы второго уровня все чаще будут обращаться к асимметричным возможностям, таким как кибероперации, ракеты и оружие массового уничтожения.

Вашингтону рекомендуется максимально учитывать использование противниками тактики СЗ, включая возрастающее агрессивное поведение, информационную войну (ИВ), посреднические силы и силы специальных операций (ССО) для достижения региональных целей, оставаясь при этом ниже принятого в США порога военного конвенционального ответа. В ответ все подразделения вооруженных сил США должны будут расширить свои возможности в области ИВ, проводимых в рамках гибридных операций против России с использованием возможностей СЗ. Развитие военных технологий искусственного интеллекта (ИИ) потребует внедрения автоматизированных систем управления¹.

Ответные меры России на агрессию Запада, нацеленную на использование не силовых способов подрыва стратегического контроля Москвы над огромными территориями нашего государства и постсоветского пространства, которое исторически является зоной российского стратегического влияния, должны предусматривать комплексное противодействие.

В связи с этим объектом постоянного внимания политиков, военных и дипломатов должны быть действия наших геополитических конкурентов в ГВ против России, попыток организации цветных революций в нашей стране и странах постсоветского пространства,

¹ Peering into the Crystal Ball. Holistically Assessing the Future of Warfare (Вглядываясь в хрустальный шар. Целостная оценка будущего войны), RAND, 2020. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10073.html (дата обращения 18.11.2020).

применения классических и асимметричных способов ведения вооруженной борьбы.

Комплексное воздействие указанных факторов приводит к появлению нового типа конфликтов современности — ГВ и сопутствующим им гибридные угрозы (ГУ), источниками которых могут быть как государства, так и другие субъекты. Особенностью этого вида угроз является их четкая направленность против заранее вскрытых слабых и уязвимых мест конкретной страны или отдельного региона, что обуславливает уникальный характер ГВ как нового вида современных конфликтов.

Одним из последствий формирующейся критичности в сфере международных отношений является появление конфликтов нового типа, в том числе проходящих с использованием невоенных способов достижения политических и стратегических целей в борьбе с противником. В начальной стадии такие конфликты проходят с опорой на протестный потенциал населения в ходе так называемых «цветных революций», представляющих собой сочетание подрывных технологий по ненасильственному захвату власти. Однако по мере развития событий, когда потенциал ненасильственных действий оказывается исчерпанным и не приводит к достижению намеченных целей, в действие вступают другие — военно-силовые технологии, являющиеся естественным развитием концепции «управляемого хаоса». Так, на Украине первоначально ненасильственные демонстрации были искусно переведены в сферу военно-силового противостояния, что привело в конечном итоге к гражданской войне, которая по предложенной США и НАТО терминологии может быть отнесена к войне гибридного типа.

Из научных статей понятия ГВ и ГУ «перекочевывают» в некоторые официальные и рабочие документы США и НАТО. Например, в Итоговой декларации саммита НАТО, состоявшегося в Великобритании в 2014 г., впервые на высоком официальном уровне говорится о необходимости готовить альянс к участию в войнах нового типа, так называемых ГВ (*hybrid warfare*). По мнению альянса, такие войны включают в себя проведение широкого спектра прямых боевых действий и тайных операций, осуществляемых по единому плану вооруженными силами, партизанскими и другими иррегулярными формированиями при участии различных гражданских компонентов¹.

Гибридная война представляет собой использование по единому замыслу и плану силовых и несиловых способов межгосударственного противоборства в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, проведение масштабных и стремительных подрывных операций

¹ NATO – Wales Summit Declaration. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm

в административно-политической, военной, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой сферах, информационные и кибероперации, военное использование космоса, прикрытие и сокрытие других разведывательно-диверсионных действий.

В документах США и НАТО говорится, что при основополагающей роли вооруженных сил, для успешного противостояния в ГВ государствам следует объединить усилия своих правительств, армий и разведок под эгидой США в рамках всеобъемлющей межведомственной, межправительственной и международной стратегии и максимально эффективно использовать методы политического, экономического, военного и психологического давления. В этих и некоторых других документах отмечается, что ГВ представляет собой использование комбинации обычных, нерегулярных и асимметричных средств в сочетании с постоянными манипуляциями политическим и идеологическим конфликтами.

В геополитическом контексте ГВ представляет собой относительно новое понятие, применяемое, главным образом, в сфере операций специальных сил и сочетающее опыт жестких противостояний с возникающими угрозами международной безопасности и уроки, полученные в борьбе с экстремизмом государственных и негосударственных субъектов. ГВ ведется силами, действующими как внутри страны или региона и стремящимися ослабить или свергнуть правительство, так и внешними силами. Действия внешних сил заключаются в оказании содействия повстанцам в вербовке сторонников и их подготовке, оперативной и тыловой поддержке, воздействии на экономику и социальную сферу, координации дипломатических усилий, а также проведении отдельных силовых акций. Для этих целей привлекаются ССО, разведка, организованная преступность, оказывается масштабное информационное психологическое воздействие на население, личный состав вооруженных сил и правоохранительных органов, властные структуры с использованием всего диапазона информационно-коммуникационных технологий.

В последние годы ГВ велись в Ираке, Афганистане, Сирии, Грузии, Армении, теперь — на Украине, в Белоруссии, Молдавии, государствах Средней Азии.

С учетом особенностей ГВ задачей правительства является организация противодействия за счет комплексного синергетического использования дипломатических, информационных, экономических, финансовых, правовых ресурсов государства совместно с военной силой.

Изменения существующих и появление ряда новых экономических, технологических и военно-технических факторов делают сами войны

качественно иными, ведут за собой революционные изменения в военном искусстве, военной науке и в первую очередь в национальной стратегии национальной безопасности государства.

На угрожающую реальность трансформации современных военных конфликтов и их тесную взаимосвязь с культурно-цивилизационным ядром человеческого общества указал Мартин ван Кревельд, военный историк, профессор Иерусалимского университета, специалист по стратегическим вопросам, который рассматривает войну как культурно обусловленный вид человеческой деятельности, радикально отличный от производственной или экономической сферы. По его мнению, война, будучи явлением культуры, в отличие от неорганизованного насилия, характеризуется определенными правилами, ограничивающими применение силы¹.

Современные конфликты охватывают все сферы управления общественной жизни людей: административно-политическую, социально-экономическую и культурно-мировоззренческую, что придает войне универсальный, многоплановый характер. История показывает, что войны являются не просто неотъемлемым элементом всех этапов развития человеческого общества, а давно и прочно интегрировались в жизнь общества и превратились в своеобразный детерминант его изменений и развития. С другой стороны, сущность и содержание войны, ее причины, смысл и цели, способы решения военных задач детерминируются изменениями самой социальной действительности, определяются ее эволюцией. Постоянно обновляются военно-технические средства войны.

Методологически важный вывод о природе войны содержится в работе русского военного теоретика генерала Н.Н. Головина, который пришел к убеждению, что война — это не столько совокупность военных операций, сколько социальное явление, подлежащее изучению всеми науками, а не только военной, что поможет вскрыть все разнообразное содержание современной войны².

Считается, что в сложившихся условиях Россия может быть вовлечена в войны и военные конфликты различного размаха и интенсивности, общий перечень которых приводится в Военной доктрине Российской Федерации³. В их числе:

- военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства,

¹ Кревельд М. Трансформация войны / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.

² Головин Н.Н. Наука о войне. М.: Астрель, 2006.

³ Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2014. № 6570 (298).

- включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты);
- вооруженный конфликт — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт);
 - локальная война — война, в которой преследуются ограниченные военно-политические цели, военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и затрагивают преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие);
 - региональная война — война с участием нескольких государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами, в ходе которой стороны преследуют важные военно-политические цели;
 - крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны преследуют радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Эта война потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников.

Возрастание роли несиловых факторов подчеркивается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В документе в числе основных угроз государственной и общественной безопасности называется деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹.

Отмечается наличие устойчивой тенденции смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации. При этом, несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683). URL: <http://base.garant.ru/71296054>

крупномасштабной войны, на ряде направлений военные опасности для Российской Федерации усиливаются.

Осознание актуальной реальности угроз в культурно-мировоззренческой сфере обусловило появление понятия «информационная война», цели которой заключаются в подрыве политической и социальной систем, а также массовой психологической обработке правящих элит, личного состава вооруженных сил и населения с целью дестабилизировать общество и государство (информационно-психологическая война). Кроме того, ИВ представляет собой противоборство между государствами в информационном пространстве с целью нанести ущерб информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам (информационно-техническая война).

В числе современных угроз национальной безопасности России важное место занимает использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности.

По сравнению с холодной войной решающим фактором в трансформации современных конфликтов является переход от противостояния в идеологической сфере к конфронтации цивилизационной, т.е. к войне цивилизаций и смыслов их существования, что составляет суть современного противоборства. Победитель в войне смыслов не столько выигрывает пространство и даже право распоряжаться ресурсами побежденного государства, сколько завоевывает себе право определять его будущее.

Вполне объяснимы и основные способы ведения ГВ в географическом пространстве какой-либо страны:

- локальные «традиционные» войны в ее ресурсных регионах;
- вовлечение данной страны в серию «конфликтов малой интенсивности» по периметру ее границ;
- «цветные революции», т.е. государственные перевороты в стране — объекте агрессии и в государствах, которые являются ее геополитическими союзниками;
- поощрение сепаратизма и терроризма в стране — объекте агрессии¹.

Таким образом, наряду с военной мощью государства в возрастающих масштабах используют экономические, правовые, технологические, информационные факторы как для вмешательства в суверенные дела других стран, так и в целом для влияния на международную поли-

¹ *Кефели И.Ф.* Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография. СПб.: Изд-во РАНХиГС, 2020. 228 с

тику. Это обуславливает необходимость глубокого изучения особенностей конфликтов XXI в., формирования нового знания о современных вызовах и угрозах и на этой основе разработки эффективных мер по обеспечению национальной безопасности России.

Появление феномена ГВ привело к существенным изменениям в стратегиях многих государств, заставило по-иному оценивать процессы эскалации межгосударственного противостояния.

Когда Герман Кан писал книгу «Об эскалации», концепции ГВ не существовало¹. Импульс разработке на Западе новых теорий войн и вооруженных конфликтов придали изменения в политической архитектуре мира, усиление конкуренции между ведущими центрами силы.

Для военно-политического анализа ситуации, характерной при нынешних конфронтационных отношениях между США и РФ, подтверждается главный вывод, сформулированный Каном и его последователями: военно-политическое противостояние государств не просто одномоментное событие (например, обмен ударами обычного высокоточного или ЯО), а процесс постепенного втягивания в конфликт, охватывающий многие сферы и весьма протяженный во времени.

В соответствии с подходами руководства ВС США военные конфликты современности могут быть сведены в три группы: межгосударственные, гибридные, с участием негосударственных вооруженных формирований.

В первом случае задействуются крупные группировки регулярных сил с применением современных средств вооруженной борьбы для нанесения гарантированного поражения противнику на различных территориях.

В гибридном конфликте осуществляется комбинированное применение ВС и иррегулярных формирований для создания обстановки неопределенности, захвата инициативы и лишения противника возможностей маневра силами и средствами. Могут использоваться как традиционные, так и асимметричные схемы.

Конфликт с участием негосударственных вооруженных формирований характеризуется тем, что противники задействуют относительно небольшие группы для организации подрывной деятельности и манипулирования населением.

Таким образом, именно ГВ представляет собой компонент стратегии, который присутствует на каждом из этапов развития межгосударственного противоборства и позволяет дозировать воздействие на противника от мягких форм вплоть до прямого применения силы,

¹ Кан Г. Об эскалации. Исследования Гудзоновского ин-та по вопросам нац. безопасности и междунар. отношений: сокращен. пер. с англ.; под науч. ред. В.В. Глазова. М.: Воениздат, 1966. 358 с.

а также осуществлять снижение напряженности конфликта. Возможности эскалации и деэскалации дают использующей их стороне эффективный инструмент изнурения и стратегического неядерного сдерживания.

Академик РАН А.А. Кокошин в книге «Вопросы прикладной теории войны»¹ представил логику управления нарастающей разрушительной силой современных военных конфликтов в виде лестницы эскалации с меньшим, чем у Кана, числом военно-политических ситуаций:

- «нормальное состояние» мировой политической системы;
- «политический кризис» с повышенной интенсивностью демонстрации военной силы;
- ГВ;
- ограниченная (локальная) «обычная» война;
- крупномасштабная «обычная» война без поражения крупных городских агломераций, химпроизводств, атомных электростанций;
- «обычная» война с поражением крупных городских агломераций, разрушением химпроизводств и атомных электростанций, что можно приравнять к применению оружия массового поражения;
- «ядерный конфликт» (кризисная ситуация, в которую вовлечены один или несколько обладателей ЯО, когда хотя бы один начинает задействовать его в качестве инструмента политико-военного давления без прямого применения);
- демонстрационное использование ЯО в пустынной местности без поражения людей, военных и экономических объектов;
- война с ограниченным применением ЯО;
- массированное применение ЯО.

В лестницу эскалации начального несилового межгосударственного противостояния автор ввел три ступени и на последней разместил ГВ. Ей, таким образом, в исследовании академика Кокошина отводится роль своеобразного «поворотного пункта», достигнув которого, стороны могут принять решение о переходе к наращиванию интенсивности военных действий вплоть до глобального конфликта. В этом состоят своеобразие и опасность ГВ как нового вида межгосударственного противостояния.

Вместе с тем она как феномен, включающий разнообразные способы воздействия на противника, не может быть локализована лишь на одной из ступеней «лестницы эскалации».

Экономические подрывные акции, информационное противоборство, действия в киберпространстве, применение ССО и иррегулярных отрядов проводятся на каждой из ступеней, исключая разве что этап

¹ Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Высшая школа экономики, 2018. 227 с.

с массивным применением ЯО, «когда нажаты все кнопки» и территории государств-противников превратились в безжизненную радиоактивную пустыню.

Уникальные возможности ГВ по широте и эффективности воздействия на военно-политическую ситуацию, гибкость использования инструмента эскалации / деэскалации обстановки определяются рядом факторов, присущих любому вооруженному конфликту: временной, пространственной, внезапности, скрытности и стратегической мобильности. Однако их проявление в процессе эскалации ГВ имеет свою специфику. Например, ГВ не объявляется, что требует иного подхода к оценке влияния фактора внезапности, у нее нет фронта и тыла, что следует учитывать при пространственной оценке, традиционные понятия «противник, противоборство, победа» в значительной мере теряют смысл. Происходит это в первую очередь в силу фактора скрытности, достигаемой за счет эффективной маскировки источников ГУ, особенно в кибернетической сфере, позволяя скрыть не только операции и процесс их развития, но и сам факт войны. Заметим, что в международных правовых документах понятие «ГВ» не встречается, что повышает фактор неопределенности при трактовке этого вида конфликта.

Новизна этого феномена заключается в том, что агрессор способен координировать многочисленные несиловые и силовые способы, используя элементы творчества, неоднозначности и принуждения, а также нелинейные свойства самой войны.

ГВ планируется и проводится государственными или негосударственными субъектами с учетом того, что действия остаются ниже очевидных порогов обнаружения и реагирования, чему способствуют высокие скорости, объем и доступность информационных обменов. Пока нет согласованного понимания по вопросу, что такое ГВ, и это существенно затрудняет выработку международной нормативно-правовой базы для недопущения ГВ.

Начальник Генштаба ВС РФ генерал армии Валерий Герасимов сформулировал следующую установку: «Сегодня ВС РФ должны быть готовы защитить интересы государства в военном конфликте любого масштаба с широким применением противником как традиционных, так и гибридных методов противоборства». Одним из первоочередных шагов по совершенствованию способности России противостоять ГВ, прогнозировать эволюцию военно-политических ситуаций и осуществлять стратегическое планирование могло бы стать создание государственного центра, который занимается комплексными операциями с высокой долей информационно-пропагандистского компонента.

В число функций следует включить отслеживание технологий использования ГВ и ГУ как инструментов эскалации в целях стратегического неядерного сдерживания.

Элементами эскалации на начальных этапах современных конфликтов являются:

- экономические санкции и информационно-психологические операции;
- наращивание военно-силового давления;
- использование пятой колонны и неправительственных организаций для подрыва единства общества и формирования манипулируемой толпы в «цветной революции»;
- операции в киберсфере;
- подготовка и использование иррегулярных вооруженных формирований;
- скрытое проникновение групп ССО для осуществления диверсионных акций и ведения разведки;
- использование технических средств, включая разведывательные и ударные БЛА, космические системы.

Противостояние перечисленным и некоторым другим действиям, направленным на подрыв национальной безопасности страны, требует совершенствования способности государства быстро и решительно реагировать на эскалацию конфликтов, нелинейный характер которых позволяет достигать значительных результатов при относительно небольших деструктивных возмущающих воздействиях со стороны агрессора или коалиции враждебных акторов. Отдельно стоит задача обеспечения информационной безопасности органов управления.

С учетом скрытности и маскировки операций ГВ необходимо обеспечить ведение непрерывной разведки и ее тесное взаимодействие со структурами политического и военного управления с целью прогнозирования угроз и планирования мероприятий по противодействию за счет оперативного создания и использования преимущества на угрожаемом направлении.

Новая холодная война. Мощным катализатором процесса ухудшения международных отношений, неопределенности и нестабильности в начале XXI в. стало беспрецедентное со времен холодной войны обострение американо-российских отношений. Отношения резко ухудшились на фоне незаконных экономических санкций против России, войн в Сирии, Ираке и Афганистане, «цветных революций» на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Белоруссии, спровоцированного Вашингтоном государственного переворота на Украине, расширения НАТО и наращивания военных приготовлений альянса, ядерной и

космической политики США, развертывания американцами системы стратегической ПРО и выхода из Договора о запрещении ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) в 2019 г. В результате мир скатился, по сути, во времена новой холодной войны как одной из разновидностей контролируемого конфликта, построенного на гибких, адаптивных стратегиях, способных удерживать развитие политических ситуаций в заранее оговоренном и ограниченном рядом «красных линий» русле.

Философия современных войн и конфликтов. «Цветная революция» и ГВ представляют собой два различных по своей философии и сущности конфликта, что проявляется в различии их стратегий. Однако в зависимости от развития военно-политической ситуации это могут быть сочетаемые между собой форматы воздействия на противника, реализуемые по единому замыслу и плану.

«Цветная революция» как разновидность конфликта базируется на несилевых технологиях организации государственных переворотов за счет провоцирования акций массового гражданского неповиновения с целью свержения правительства и перевода страны под внешнее управление. Таким образом, «цветная революция» имеет несколько целей: создание ситуации хаоса в стране для дестабилизации политической ситуации; демонтаж неугодного политического режима; установление режима, находящегося под внешним управлением. Такое целеполагание обуславливает принципиальное отличие «цветной революции» от ГВ.

В то же время акции массового гражданского неповиновения в ходе «цветной революции» не всегда позволяют добиться желаемого результата. Становится очевидной необходимость применения более радикальных средств воздействия, включая экономические меры, шаги по политической изоляции страны, а также широкий спектр военно-силовых методов. Подготовка и реализация такого комплекса мер занимает многие годы и требует проведения государством-агрессором комплекса взаимосвязанных подрывных операций.

Таким образом, различия между существом ГВ и «цветной революции» предопределяют принципиальную разницу основных идей, положенных в основу стратегий обоих видов конфликтов.

Познание войны следует начинать с четкого определения ее смысла и целей. Карл фон Клаузевиц в своем труде «О войне» отмечает: «Война не начинается, — или, во всяком случае, не следует, действуя разумно, начинать войну, — пока не будет установлено, чего мы хотим достигнуть посредством войны и в течение ее. В первом заключается смысл войны, второе является ее целью»¹. Стратегия ГВ, построенная

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2013. 512 с.